

2. Сазеева И. Б., Грошева Т. Н. Антигуманистический характер философии трансгуманизма. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/antigumanisticheskiy-harakter-filosofii-transgumanizma>
3. Ницше Ф. В. «Так говорил Заратустра». URL: <https://mybook.ru/author/fridrih-nicshe/tak-govoril-zaratustra/citations/1167977/4>
4. DeepMind AlphaStar: Mastering the Real-Time Strategy Game StarCraft II. URL: <https://deepmind.com/blog/alphastar-mastering-real-time-strategy-game-starcraft-ii/>
5. BBC Зимняя спячка у людей, массовое вымирание видов и мегаполис, уходящий под землю. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46571064>
6. Воронин Н. Китайский профессор объявил о рождении генетически модифицированных детей. Ученые в гневе. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46347487>
7. Козлов Н. И. Сингапур. Евгеника. Процветание. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/singapur.-evgenika.-procvetanie>
8. Платон «Государство». URL: http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt_with-big-pictures.html
9. Engel G. The need for a new medical model: A challenge for biomedicine // Science. 1977. № 196. P. 129–136.
10. Анимационный фильм Ghost in the Shell. URL: <http://www.ghostintheshellnewmovie.com/>
11. Helder «Проект Вознесение». URL: <https://www.projectascension.info/single-post/2017/10/29/%D0%90%D0%B1%D1%81%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%82>

Ивишин В. С.

РЕЛИГИЯ И ПРОВИДЕНЦИАЛИЗМ В КОНСЕРВАТИВНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ А. С. ШИШКОВА И Ф.-Р. ШАТОБРИАНА

Аннотация. Рассматриваются роли религии и провиденциализма в политических риториках А. С. Шишкова и Ф.-Р. Шатобриана. На основе компаративного анализа делается вывод о том, что в риторике обоих адептов религия была «стержневым элементом», а провиденциализм служил «единым» политическим языком осмысления революции, описания монархической власти и ее добродетелей.

Ключевые слова: Великая Французская революция, монархия, добродетели, консерватизм, политическая риторика

Великая Французская революция наглядно продемонстрировала европейской ойкумене крах l’ancien regime, вместе с тем аккумулировав и воплотив в жизнь просвещенческую риторику теории прогресса, либерализма, индивидуализма, секуляризации сознания, сопровождавшуюся распространением антиклерикальных настроений в обществе. Вместе с тем, «Век разума» явился уникальной «идеологической лабораторией», в лоне которой синтезировались сразу три «великие идеологии» будущего XIX в.: либерализм, социализм и консерватизм. Последний возникает как одна из первых идеологических реакций на Великую Французскую революцию [1, с. 4]. Под влиянием немецкого мыслителя К. Мангейма, в современной отечественной историографии укоренился подход дифференциации «традиционализма» и «консерватизма». Традиционализм психологичен, инстинктивен и дорефлексивен. Консерватизм, напротив, сознателен и рефлексивен [7, с. 593–596].

Французская революция, обозначив крах l’ancien regime, побудила осмыслить настоящий феномен, его сущность, значение, последствия и причины. Отсюда особый интерес вызывает проблема «поиска концепций» осмысления в трудах А. С. Шишкова и Ф.-Р. Шатобриана – адептов раннего российского и французского консерватизма. Шатобриана, как правило, не относят к классикам консервативной мысли, что порождает особый интерес: речь не идет о сформировавшейся идеологической системе. Уровнем политического мировоззрения он сближается с адептами формирующегося российского консерватизма, представляющего переходную стадию от психологичного, инстинктивного и дорефлексивного традиционализма к сознательному и рефлексивному консерватизму как цельной идеологии. А потому важны следующие вопросы: придерживались ли адепты французского и российского консерватизма на раннем этапе единой «концепции» осмысления революции? Какое место занимала религия и провиденциализм в их консервативной риторике?

Оба мыслителя происходили из древних, но провинциальных дворянских родов. Ф.-Р. Шатобриан был выходцем из Бретани, издавна считавшейся самым религиозным и консервативным регионом Франции [5, с. 52–53]. Шишков, получал домашнее образование на чтение Псалтыря и Часослова [3, с. 83–84]. Провинциальная социокультурная среда была достаточна традиционной и религиозной, и задавала первичный импульс формирования религиозных представлений, отразившихся в лоне литературно-публицистической деятельности обоих адептов.

Еще в юношеские годы, будучи в заграничном мореплавании в 1776–1779 гг., религия для Шишкова была маркером «цивилизованности» того или иного народа. Будучи в греческом порту, он дивился «злочестию безбожных французов», обезобразивших надписями греческие часовни [11, с. 213]. Пусть это и является

важным индикатором религиозности адмирала, но текст записок был опубликован только в 1830-е гг. и был значительно переработан зрелым адмиралом [6, с. 71–72].

Там не менее, уже в раннем литературном творчестве А. С. Шишкова – драме «Невольничество», посвященной выкупу христиан из алжирского плена Екатериной II, он также оперирует религиозными конструктами. Императрица именуется «матерью над нами присутствующей», а само заключение пленников «гневом божьим» [12, с. 28–39]. Однако за общим религиозным пафосом, герои драмы не идентифицируют себя по конфессиональным признакам, они все подданные («россияне») под властью «божественной» самодержавной власти [9, с. 82].

Более подробно идеи провиденциального монархизма развиты Шишковым в «Оде на покорение Польши», в которой большинство строф направлены на осмысление Французской революции. Прежде всего, для адмирала, революция – это божественное провидение, эсхатологический конец, наказание за отступление французов от христианской веры [13, с. 146]. Вместе с тем, существует «спасительное царство» – Российская империя – «блаженная из всех страна <...> В любви к царю и Богу тая <...> в толиком счастья цветет?» [13, с. 143]. Империя, где над «стадами тельцов и агнцев» правит Екатерина – «пастор» в царстве «тишины и благодати» [13, с. 144]. То есть библейская риторика уже в раннем творчестве адмирала играет важную роль в языке описания монархического правления и революции, которая противопоставляется «тишине и благодати» – Российской империи под властью добродетельной монархии. Позднее, в царствование Александра I, модель религиозной оппозиции «христианнейшей» России и «безбожной» Франции примет более конкретные формы и значения, став особо актуальной в канун Отечественной войны 1812 г.

Так, в 1811 г., адмирал, называет православную веру «первейшей покровительницей» патриотизма и народной гордости, ибо она является главным источником человеческих добродетелей: «из которого народоправитель черпает мудрость, закон силу, судья правду, полководец мужество, земледelec трудолюбие, воин храбрость и бесстрашие» [14, с. 57]. В тоже время, он использует ее для легитимации светской, монархической власти: «в наполнении сердец их любовью к вере, откуда проистекает любовь к Государю, сему поставленному от Бога отцу...» [14, с. 43]. Отечественная война также понималась адмиралом, как война «за веру против безверия, за свободу против властолюбия, за человечество против зверства» [15, с. 121], а православие стало символом национального единства в годы войны [2, с. 40].

Итак, религия была смыслообразующим элементом в консервативной концепции А. С. Шишкова, она была источником монаршей и гражданской добродетели, служила источником легитимации монархической власти. А также служила важнейшим элементом идеологии Отечественной войны, возводя ее в статус «священной». Провиденциальная риторика служила политическим языком описания светской власти и окружающей действительности, главным образом революции. Провиденциальный монархизм объявлял власть монарха, как данную от бога, а самого монарха его ставленником, героем, творящим почти «божественные» дела.

Вопрос определения места и роли религии в консервативной концепции Шатобриана представляет более сложную задачу. Дело в том, что его, особенно раннее, творчество имеет значительный отпечаток влияния французских философов-просветителей, он сам в своих мемуарах пишет: «в юности я был «монархистом-атеистом», в конце жизни стал «католиком-либералом» [4, с. 204].

Например, «Опыт о древних и новых революциях», опубликованный в 1797 г., представляет собой настоящий политический трактат в духе полемики с философами-просветителями по целому ряду вопросов. Революция же для Шатобриана любой переворот, «совершающий перемену правления какого-либо народа, как монархическое на республиканское или республиканское на монархическое» – вполне современная трактовка революции, как коренного изменения в жизни общества [18, р. 7–8]. Однако в одной из таких полемики с просветителями, он называет причиной революции «стремление смутной тревоги, свойственной нашему сердцу <...> тревога <...> приходящей к нам возможно от некоего стремления к божеству» [18, р. 384]. Имело ли это «беспокойство» религиозные начала?

Уже в «Гении христианства» Ф.-Р. Шатобриан выступил апологетом христианской веры, фактически реабилитировав ее среди своих соотечественников, сделав ее «идейно-эстетической антитезой литературе философов-просветителей» [5, с. 98–99]. Именно через религию он обосновывает сохранение принципов сословно-иерархического деления общества: «Священное писание раскрывает наше происхождение, объясняет нашу природу...» и в тоже время, религия также источник гражданских добродетелей: дворянской верности и чести [10, с. 138]. Здесь, религия для Шатобриана предстает главным двигателем человеческого прогресса: сменив античное политеистическое язычество, «христианство указало ему [человечеству] путь на надежды» [10, с. 142]. Наконец, само движение исторического процесса, он описывает в провиденциальной риторике: «...в основе исторического времени лежит вечность, что все имеет своим началом Господа» [10, с. 112–113].

Провиденциальный монархизм также не был чужд Ф.-Р. Шатобриану, однако этот вопрос почти не освещался в раннем творчестве. Только в 1814 г., во время Реставрации Бурбонов на французском престоле, в знаменитом памфлете «О Бонапарте и Бурбонах», он раскрывает религиозную сущность причин революции:

«Именем закона ниспровергали мы веру и добродетель, удаляясь от опытов и обычаев наших отцов <...> единственных основ всего государственного» [16, р. 2]. А в описании самого свержения Наполеона с французского престола присутствует провиденциальная риторика: «Богу неужгодно было <...> чтобы пришлец [Наполеон] ниспроверг королевскую преемственность» [16, р. 7]. Именно через «божественный промысел» Шатобриан объясняет преемственность королевской власти, а религия служит главным элементом ее легитимации.

Чуть позже, в трактате «О монархии согласно Хартии» Ф.-Р. Шатобриан отстаивал идеи конституционный монархии, основанной на «божественной хартии» при которой «каждый человек найдет свое естественное место» [17, р. 270]. Дело в том, что порывы к конституционно-монархическому правлению исходили из своеобразного «шатобриановского» понимания свободы, основанной на религиозных представлениях [8, с. 34]. Подобные идеи высказывались еще в «Опыте...» при сравнении античных республик и современной ему Франции: «Древние республики существовали благодаря рабам, наши отцы-варвары существовали благодаря рабам», но только христианская религия отменила рабство и морально удерживает от просвещенческих «страстей» [18, р. 368–369]. То есть свобода понимается им как особая христианская добродетель, а конституционная монархия как политико-религиозный консенсус организации власти, основанной на религии как источнике монарших и гражданских добродетелей, воплощенных в «божественной хартии».

Таким образом, религия предстает стержневым звеном консервативных концепций обоих адептов. Отчасти это опечаток социокультурной среды происхождения и воспитания, задавший определенный вектор развития личностей консерваторов. Именно религия в их литературно-публицистических трудах была источником гражданских и монарших добродетелей, служила средством легитимации монархического правления. Им присущ «единый» язык политической риторики – провиденциализм, по средствам которого описывалась монархическая власть, осмыслился феномен революции и отдельные аспекты светской жизни общества. Наконец, оба адепта раннего консерватизма противопоставляют религию философско-просветительским категориям, иррационализм рационализму. Однако «раннему» Ф.-Р. Шатобриану присуще вполне светское описание феномена революции, ее каузальности и сущности, в отличие от А. С. Шишкова, стоявшего с самого начала на провиденциальном понимании революции.

Библиографический список:

1. Валлерстайн И. Мир-система модерна. Триумф центристского либерализма 1789–1914 / пер. с англ. Н. Проценко. М. : Русский фонд содействия образованию и науки. 2016. Т. IV. 496 с.
2. Гребенщиков А. Е. Православие во взглядах адмирала А. С. Шишкова // Вестник воронежского государственного университета. 2016. № 1. С. 38–41.
3. Егерев Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина. М. : Новый хронограф. 2011. 416 с.
4. Казакова Г. Х. Взгляд молодого французского аристократа на великую французскую революцию (на примере «Опыта о древних и новых революциях» Ф. Р. де Шатобриана) // Вестник Пермского университета. 2013. № 3. 202–206.
5. Казакова Г. Х. Романтический историзм и проблема реабилитации средневековой культуры в творческом наследии Ф. –Р. де Шатобриана: дисс. ... канд. истор. наук. Казань. 2017. 221 с.
6. Киселева Л. Н. Русский «архаист» в Европе // Studia Rossica Helsingiensia et Tartuensia. Tartu. 1995. IV: «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. С. 76–84.
7. Мангейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М. : Юрист. 1994. С. 572–617.
8. Мухина Г. А. Отношение Франсу-Рене де Шатобриана к религии // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Омск. 2000. С. 28–37.
9. Полежаева Т. В. Религиозные основания консервативной концепции А. С. Шишкова: дис. ... канд. ист. наук. Томск. 2016. 228 с.
10. Шатобриан Ф.-Р. де. Гений христианства / пер. с фр. О. Э. Гинзбург // Эстетика раннего французского романтизма. М. : Искусство. 1982. С. 94–220.
11. Шишков А. С. Записки, веденные во время путешествия из Кронштадта в Константинополь // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб. 1839. Ч. XVII. С. 190–308.
12. Шишков А. С. Невольничество // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб. 1828. Ч. XII. С. 1–32.
13. Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб. 1831. Ч. XIV. С. 143–154.
14. Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству. СПб. 1811. 54 с.
15. Шишков А. С. Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб. 1816. 212 с.

16. Chateaubriand F. R. de. De Buonaparte, des Bourbons, et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe. P. 1814. 87 p.
17. Chateaubriand F. R. de. De la monarchie selon la Charte. P. 1816. 296 p.
18. Chateaubriand F. R. de. Essai historique sur les Revolutions anciennes et modernes. L. 1797. 693 p.

Карабыков А. В.

МОТИВ УТРАТЫ И ОБРЕТЕНИЯ ПЕРВОЗДАННОГО ЯЗЫКА В УЧЕНИИ ЯКОБА БЁМЕ

Аннотация. Анализ сосредоточен на «адамическом» аспекте лингвофилософской теории немецкого мыслителя-визионера XVI–XVII вв. Особое внимание уделяется трактовке библейского сюжета о Вавилонской башне (Быт. 11), в свете которого Бёме объясняет суть исторической трансформации и утраты изначального языка человечества.

Ключевые слова: язык Адама, сигнатуры вещей, Вавилонская башня, этимология, библейская экзегеза, Ренессансный оккультизм.

В век, отмеченный подъемом размышлений о том, каким по своей природе был первозданный язык Адама (Ursprache) и возможно ли – если да, то как? – обрести вновь это несравненное орудие познания и, быть может, изменения мира, немецкий мистик и теософ Якоб Бёме (1575–1624 гг.) создал, бесспорно, самую оригинальную и сложную концепцию адамизма. Не будучи автономной, она образует один из ключевых аспектов его единой теософской доктрины, сочетающей в себе христианские, гностические, каббалистические и другие эзотерические элементы.

В основе его лингвофилософских построений лежало оригинальное представление, согласно которому язык Адама, не существуя в виде одного из наличных наречий, может быть обретен через вдумчивое «вслушивание» в каждое из них и «прочтение» природных знаков (сигнатур) вещей. На взгляд мыслителя, оба пути берут начало в языке природы (Natursprache), служащем умопостигаемой гранью материальной манифестации Божества. В первом направлении Natursprache являет себя опосредованно – как бытийный фундамент совершенного первоязыка, покоящегося внутри всех позднейших исторических наречий. На втором пути он обнаруживает себя прямо – как система знаков, испещряющих мироздание. В обоих случаях реальность языка природы не очевидна для большинства людей, учит Бёме, ибо их когнитивные способности существенно повреждены грехопадением и последующей деградацией. Поэтому восстановление языка Адама и, соответственно, познание Natursprache в текущем курсе земной истории невозможно без содействия свыше. Но сверхъестественное озарение, открывающее доступ к глубинным уровням бытия и речи, остается уделом редких избранных (Aur. XIII. 26–27, XX. 91) [1, с. 174, 302].

В своем позитивном аспекте адамический проект Бёме зиждился на совмещении обоих – этимолого-лингвистического и природно-семиотического – путей обретения первозданного языка, при ведущей роли первого. Надо заметить, что попытки воссоздать или хотя бы приблизиться к пониманию языка Адама с помощью этимологических разысканий во второй половине XVI – первой половине XVII вв. чаще всего имели ярко выраженную националистическую мотивацию и питались верой в эксклюзивную приближенность к Ursprache одного из языков (или языковых семей) молодых европейских наций [2, р. 33–56]. Напротив, Бёме был принципиальным противником такого подхода. По его убеждению, все человеческие наречия равноудалены или, в другой перспективе, равноприближены к языку Адама. А потому желающим приобщиться к его тайне нет смысла «ходить далеко»: достаточно обратиться к родному, самому естественному для каждого наречию. «Пойми только в точности свой материнский язык, и ты найдешь в нем такое же глубокое основание, как в еврейском или латинском», – призывает Бёме читателя своего первого трактата «Аврора, или Утренняя заря в восхождении» (Aurora. Morgen Röte im aufgang) (VIII. 73) [1, с. 99]. Впоследствии он выразит эту идею с еще большей определенностью, подчеркивая то, что адамическая основа с равным успехом «познается в языках всех народов, в каждом по-своему» (Detripl. Vita V.87) [3, с. 110–111]. Соответственно, в текущих исторических условиях первоязык, на взгляд теософа, был не отдельным наречием, а метафизической основой и скрытой потенцией, без которых не существует ни один язык. В согласии с собственной установкой, сам Бёме устремлялся к этой основе через «врата» родного для него немецкого языка.

Мы видим, что националистический элитаризм, который пропагандировали научно-ориентированные эрудиты вроде Г. Бекана (1519–1572 гг.) и Г. Штирнхильма (1598–1672 гг.), пытавшиеся доказать эксклюзивную древность конкретного наречия, Бёме заменяет на элитаризм мистический. Лишь тот, чья душа просветлена ангелом или Богом, способен расслышать язык Рая в звучании всякого слова, прочесть великую Книгу природы, узреть само Божество, пребывающее во всем, и все пребывающим в Нем. Отказ от националистической установки предполагал такую замену в учении Бёме. Эта логическая закономерность объясняется тем, что, будучи принятым *a priori*, тезис о наибольшей близости к адамическому того или иного наречия задавал направление этимологическим и, шире, сравнительно-историческим штудиям. Сторонники каждого